

ДЕД НАЗАР

Ваня, укладываясь вечером спать, попрощался:

– Деда, расскажи про то время, когда ты маленький был.

– Хорошо, – согласился дед. – Слушай.

В то время я жил с мамой и бабушкой в Ново-Николаевке Кыштовского района. Наша бревенчатая избушка, крытая берестой и соломой, стояла на краю деревни под черемухами. Детского сада не было, водиться со мной было тоже некому, поэтому, когда взрослые уходили на работу, меня запирали дома одного. Правда, никогда не привязывали.

– Как это? – изумился Ваня. – Детей разве можно привязывать?

– Нужда людей заставляла. Чтобы ребенок ничего на себя не опрокинул, не поранился, не которые матери привязывали сонного малыша к кровати веревкой, которую закрепляли на ноге. Еду и питье оставляли где-нибудь рядом, чтобы можно было до нее дотянуться. Ребенок мог слезть с койки, походить или поползть рядом, все опасные предметы убирали подальше, чтобы не мог достать.

Однажды, рассказывала мать, они вернулись с работы, а меня нет. Пошли искать, и нашли пропажу у деда Назара. Тот проходил мимо нашего дома и, увидев на подоконнике горько плачущего ребенка, открыл окно снаружи и забрал меня к себе. Было мне тогда года два, не больше.

Дед Назар жил один, недалеко от нас. Его жену дети увезли в город, рубленый дом раскатали и продали. Дед уезжать из деревни не захотел и остался жить в бане. Топил буржуйку, спал на топчане, который сам сколотил, а мыться приходил по субботам к нам. Я очень любил деда Назара и часто пропадал в его избе, где постоянно пахло свежей стружкой, так как он любил стелаться. В уголке его скромного жилища всегда стояли новые деревянные стулья, табуретки, столы и даже шкафы... Мебель в то время не продавали в магазине, поэтому он делал все, что заказывали

люди. Вязал оконные рамы, резал наличники, мог изготовить токарные станки по дереву и ручные прялки для шерсти и пуха. А для меня дед Назар мастерил деревянные игрушки: самолетики, трактора, машинки. Ни у кого в деревне не было таких красивых игрушек. Я ими очень дорожил и гордился. Самолетики были с двумя большими крыльями и с вращающимся на гвоздике пропеллером; впереди выдолблена кабинка пилота, а внизу имелись маленькие колесики. Поэтому самолет можно было катать по дорожке и поднимать в воздух. У игрушечных тракторов дед Назар с помощью ножа аккуратно вырезал элементы гусеничного хода, как у марки ДТ-54. Мы подолгу играли с ребятами самодельными игрушками, а на ночь загоняли машинки и трактора в гаражи, которые соорудили в виде норок в глинистом берегу речки.

Дрова в деревне заготавливали в то время вручную. Меня тоже брали в лес. Мать с бабушкой и дед Назар работали вместе, помогали друг другу. Взрослые пилили деревья, а я своим маленьким топориком сучки у сваленных берез обрубал.

– А сколько тебе тогда лет-то было? – удивился Ваня.

– Большой уже был, лет пяти.

Так вот, надоело мне большие деревья очищать, решил я свои дрова заготовить. Срубал топориком тоненькие березки, убирал с них ветки и делал из стволиков короткие чурочки, которые и колоть-то не надо было. Свои дровцы я сложил в отдельную поленницу, и была она объемом примерно с кубометр.

Все заготовленные дрова сохли летом в лесу, а зимой мы вывозили их по снегу в деревню. Накладывали полные сани поленьев, перевязывали сверху веревкой, чтобы по дороге не развалились и потихоньку везли на коне домой. Когда приехали с матерью в лес, оказалось, что дед Назар увез свою долю вместе с моей поленницей. Крепко я на него обиделся. Мама рассказывала, что я все время, пока добирался до дома, повторял:

– Живет же на земле такой человек, как земля его носит!

Очень уж обидным показался мне поступок деда. Жаль было свою работу.

В то время в деревне стали появляться диковинные товары из Китая – нарядные термосы, халаты с яркими живыми цветами для женщин. А однажды в магазин среди зимы завезли китайские мороженые яблоки. Я никогда раньше их не видел и не пробовал. Дед Назар купил одно большое яблоко и дал мне. До сих пор помню его вкус – настолько сладким и ароматным оно было.

– А дед Назар жив?

– Нет, Ваня. Когда он стал совсем старый, его забрал сын в Новосибирск. Пожил дед Назар немного в благоустроенной квартире – не понравилось. Может, заскучал без работы или с сыном не поладил, не знаю. Тот выпивать любил. Поехал дед восвояси, простудился по дороге и умер. Похоронили его на деревенском кладбище. Поедем на Троицу в Николаевку, могилку его поищем. Хороший был человек, всегда трудился и меня как внука привечал. Своих-то родных дедушек я никогда не видел: один, дед Иван, погиб в Великую Отечественную войну на фронте, похоронен на Пискаревском кладбище, а дед Николай, по отцовской линии, умер до начала войны. Бабушка рассказывала, что он обладал недюжинной силой и умел предвидеть события. Лечил людей от разных болезней, заговором спасал от укуса гадюки. А когда умирал, то сказал, что младший сын, которому было всего два года, тоже через какое-то время за ним уйдет...

– Я тебя очень сильно люблю! – обнял Ваня деда. – А если ты заболеешь, мы тебя обязательно вылечим, в больнице. Не сомневайся!

РЫБАЛКА... СИТОМ

Хорошо летние каникулы проводить в деревне: за ягодами и грибами в лес ходить, а если деревня стоит на реке, как Дубровино, то и купаться можно, и рыбу ловить, и на моторке кататься...

– Дед, а ты любил в детстве рыбачить? – спросил Ваня, когда они вечером собрались пить чай на летней веранде.

– Очень любил. Мы постоянно бегали на рыбалку в соседнюю деревню Покровку или рыбачили на своей запруде. С утра захватить из дома краюху хлеба, и до вечера тебя нет. И с удочками умели обращаться, а позднее и с бредешком...

– А что такое бредешок?

– Бредень – это небольшой невод со специально сделанной посередине мотней. Края невода закрепляют на деревянных палках. Два человека спускаются в воду и идут по дну, заводя бредень поперек и загибая вдоль стержня речки. Рыба, сталкиваясь с преградой, пытается уйти и попадает в эту вывязанную узкую часть – мотню. Когда за твоей бабушкой поженались, и я привез ее в деревню, она очень любила смотреть, как мы неводили. Двадцать-тридцать минут тащим бредень по воде и потом вытаскиваем на берег сразу 2-3 ведра карасей, а то и побольше. Мелких карпузов отпускали обратно в запруду, а остальными твоя бабушка уже занималась – чистила, жарила, в сметане готовила.

– Класс! – восхитился Ваня. – Полчаса трудов – и три ведра рыбы!

– А можно и безо всякого бредня одному не меньше поймать и времени потратить немного. Было бы место рыбное.

– Как это? – заинтересовался внук.

– Расскажу сейчас, – ответил дед, заварив второй стакан чая и сев поближе к чашке со свежим медом.

Я учился в то время в четвертом или пятом классе. Мой отчим Володя, заядлый рыбак и охотник, как-то рассказал за столом, что он, когда учился в школе, ловил рыбу с берега ... ситом. И всегда приносил домой не меньше двух ведер гольянов. Рыба мелкая, с палец длиной, поэтому самой трудоемкой работой была ее чистка, и она поручалась его младшим сестрам – Надюшке и Фене. Девчонкам было в ту пору лет по 10-12, поэтому кропотливая работа им быстро надоедала и, чтобы быстрее убежать играть на улицу, они часть рыбы прятали во дворе под коровьими лепешками. Мать как-то обнаружила эти тайники и задала лентяйкам по первое число.

Меня очень заинтересовал этот метод ловли рыбы. Однажды я был в Кыштовке в гостях у бабы Зои – Володиной матери. Она жила в то время одна: дети выросли, разъехались, у всех были свои семьи. Баба Зоя постоянно занималась вязаньем. У нее было несколько коз, она чесала с них пух, пряла его и вязала большие теплые шали с красивыми полями. Руки у нее во время работы двигались очень быстро, прямо-таки летали, казалось, она даже не смотрит на спицы... Эта занятие приносило хорошую добавку к маленькой пенсии. «Одна шаль, – говорила баба Зоя, – стоит 180-200 рублей, продам 2-3 штуки и получу за месяц больше инженера с высшим образованием». Меня деньги в ту пору мало интересовали, я любил бегать на рыбалку. В трех километрах от райцентра, по дороге на Черновку, находилось небольшое озеро, в котором водилось много рыбы. Ловили в нем и окуня, и щуку... А гольянов было – не перечесать! Удочки у меня с собой тогда не было, и я приноровился ловить рыбу тем самым легким способом, о котором рассказывал Володя. Взял у бабы Зои сито, прибил к обечайке палку длиной метр или чуть больше, и с таким орудием отправился на озеро. Накрошил в сито хлеба и потихоньку опустил его в воду. Через несколько минут за дармовым угощением собралось столько гольянов! Скорчив полбулки черного хлеба, я наловил семилитровое ведро рыбы и гордо отправился с уловом в Кыштовку. И так меня это дело увлекло, что я каждый день, пока жил в гостях, ходил на это рыбное место. Стоит сказать, что мою страсть разделял и всячески поощрял кот бабы Зои по кличке Черныш. Он добросовестно, как солдат на посту, караулил ворота, ожидая моего возвращения: очень интересовался результатом рыбалки... За две недели рыбной диеты Черныш иррадно потолстел, шерсть у него заблестела.

Съесть такое количество рыбы втроем было, конечно, невозможно, поэтому большую часть улова мы отдавали утятам. В разрезанную автомобильную камеру, заполненную водой, я высыпал гольянов, и утки начинали рыбачить. Шум стоял такой, что в соседних

дворах были слышны отголоски птичьего переполоха. Когда рыба в водоеме заканчивалась, утята начинали носиться друг за другом, отбирая последнюю добычу.

Мне очень нравилось, как баба Зоя готовила эту рыбу: высыпала гольянов на сковородку, резала большую луковичу, солила, добавляла масло и пару яиц. Через несколько минут блюдо было готово. С деревенским хлебом эта мелкая рыбка казалась мне в то время такой вкусной...

А однажды зимой мы тоже ловили рыбу ситом у нас в пруду рядом с домом.

— Как это? Зимой и ситом? — удивился Ваня.

— Да-да, — подтвердил дед, — зимой и ситом, не ослышался. В тот год стояли сильные морозы, и пруд промерз достаточно глубоко. Карасю легче: зарылся в тину и лежит. А вот пескарям и линькам было совсем плохо, они стали задыхаться от недостатка кислорода. Мы из речки постоянно зимой воду брали, скотину поить. Рыба всплывала и собиралась возле проруби, чтобы подышать свежим воздухом. Люди поняли, что ее очень легко можно добыть и стали вылавливать, опуская сито в воду. Помню, я как-то пришел из школы, быстро сделал уроки и пораньше лег спать. А ночью меня бабушка разбудила. Взяли мы с ней сито на палке, керосиновую лампу «летучая мышь», ведро и отправились на пруд рыбачить. Поставили зажжённую лампу возле проруби, чтобы привлечь рыбу светом, и стали черпать ее ситом и сыпать в ведро.

— И что, рыба вся задохнулась и до лета не дожила?

— Дожила, — успокоил дед внука, — не дали пропасть. Часть рыбы выловили, а для остальной в марте сделали в загряде много длинных прорубей, чтобы насытить воду кислородом из воздуха.

— Скажи, если вы на удочку рыбу ловили, то какую наживку использовали? — полюбпытствовал Ваня. — Червей копали?

— И не только, — ответил дед. — Смотря какую рыбу задумал ловить и в какое время. Когда, например, цветет шиповник, окунь хорошо клюет на кузнечиков. Мы специально заготавливали их перед рыбалкой. Если собирались идти на щуку, то сначала готовили мелкую рыбешку для наживки. Для этого брали кусок теста, сдобренного конопляным маслом, и укладывали его в трехлитровую банку с капроновой крышкой, в которой делали отверстия. Банку спускали на веревке в пруд, и гольяны, мальки, привлеченные запахом пищи, через дырочки в крышке забирались внутрь, а выбраться наружу уже не могли. Каждый рыбак изобретал свои способы наживки. Помню, и мух цепляли на крючок, и волосы привязывали...

— А волосы-то зачем? — удивился внук.

— Чтобы рыба подумала, что это мохнатая гусеница. — Ты чай-то пей, уже остыл давно, — заметил дед. — Как тебе свой медок, нравится?

— Еще бы, — ответил Ваня, сунув в рот кусочек необыкновенно душистого меда и зажмурившись от удовольствия. — Особенно в сотах!

— Сегодня пораньше спать ложись, я тебя утром часов в шесть подниму...

— На рыбалку пойдем? — обрадовался Ваня.

— Нет, сначала будем с тобой морду плести...

— Чью морду? Для чего? — озадачился Ваня, услышав незнакомое слово.

— Завтра увидишь и сам поймешь, — уклонился от ответа дед. — Пойду-ка я перед сном свежим воздухом подышу. А ты пока укладывайся.

Ваня допил чай и отправился на мансарду, где у него было оборудовано спальное место. «Какой дедуля хитрый, — думал Ваня, взбираясь вверх по лестнице, — ничего сразу не объясняет. Ну, да ладно, до утра ждать совсем недолго осталось...». Не успел он положить голову на подушку, как тотчас заснул. И снилась Ване рыбалка с ситом, в которое попадались не только мелкие гольяны, но и зубастые щуки, похожие на крокодилов. Они глотали мелкую рыбешку и, прокусив капроновую сетку, уходили обратно в воду, оставляя рыбака с носом... А под утро привиделась таинственная козья морда с бородой из мочалки...

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

Дед колдовал в сарае над старым ульем. Сначала хотел распилить его на дрова, потом, подумав, решил все-таки отремонтировать и послал внука в дом за тряпкой, чтобы отмыть накопившуюся изнутри грязь. Бабушка ушла в магазин, поэтому Ваня, открыв скрипящий шифоньер, стал самостоятельно искать что-нибудь подходящее для этой цели. Выбрав старенькое кухонное полотенце, Ваня дернул его из стопки и выронил попутно из шкафа что-то красное. Подняв лоскут с пола, обнаружил, что это пионерский галстук, он видел такой же на школьной фотографии бабушки. Галстук был выстиран, отутюжен, а острые концы, растрепавшиеся от носки, аккуратно заштопаны нитками. Интересно, чей он? Взяв тряпку и неожиданную для себя находку, Ваня отправился к деду.

— Дед, а чей это галстук? Твой или бабушкин?

— Сатиновый? Бабушки, это она полвека хранит старые вещи, — ответил дед. — Лучше бы в музей школьный сдала.

— Вы оба были пионерами?

— Были. Правда, меня не сразу приняли.

— Почему?

— Я с Петькой подрался накануне приема в пионеры. Он мне синяк под глаз посадил. Анастасия Степановна, наша учительница в третьем классе, сказала, что драчун не место в рядах пионеров, потому что они должны быть примером для всех ребят. И нас с Петькой не приняли.

— А из-за чего у вас ссора вышла?

— Ну, ты спросил! Не знаю, столько лет прошло. Помню, очень мне обидно было, что не стал в тот день пионером. Когда пришел из школы, залез на чердак, чтобы меня никто не видел и ни о чем не спрашивал. А весной, 19 мая, в День пионерии, нас с Петькой отдельно принимали.

— Дед, а ты был летом в детском оздоровительном лагере? — спросил Ваня, устраиваясь рядом на скамейке. — Как там, интересно было?

— В наше время эти лагеря назывались пионерскими, — уточнил дед.

— Тебе мама путевку покупала?

— Никто мне никаких путевок не покупал.

Не на что было, – покачал головой дед и начал вспоминать.

После окончания шестого класса я решил уехать из дома к отцу. С отчимом отношения не ладились, а бабушка прибалывала и водилась с малолетними внуками. Брат Яша тогда только родился, а Юре было около двух лет. Мать работала дояркой, поэтому уезжала рано утром и возвращалась затемно. Всем было не до меня. Денег на дорогу не было, поэтому я решил набрать черники, продать ее и таким образом выручить какую-то сумму. Эта ягода рядом с Николаевкой не росла, поэтому я решил отправиться в бор на Данилово озеро, которое находится на границе Кыштовского района и Омской области. Путь был не близкий, но хорошо знакомый, так как мы с матерью и односельчанами возили в Курганку, которая находится рядом с озером, молотье зерно.

Рано утром я отправился пешочком в путь. Миновал Большеречье, Скирлу, Малокрасноярку и после обеда был уже рядом с озером, в тридцати километрах от дома. Прошелся по сосновому бору: черничника много, а ягоды – вот наплакал, неурожай, видно, заморозком цвет побило.

– И ты в такую даль зря ведро тасил? – поочувствовал Ваня.

– Какое ведро? – удивился дед.

– Ты же хотел ягоды собирать, – пояснил внук. – Как без ведра?

– Зачем посуду тасить за тридевять земель, когда ее можно самому на месте сделать, – возразил дед. – Надрал бересты с березы и сделал емкость, или корзинку из травы сплел, дело нехитрое. Научу тебя как-нибудь.

Поел я черники с хлебом, который из дома захватил, и начал думать о ночлеге. Вышел к озеру и увидел на противоположном берегу палатки и костер, там был пионерский лагерь.

– И ты пошел к ребятам?

– Нет.

– В лесу остался ночевать? Один? – изумился Ваня. – А если бы на тебя волки или медведи напали?

– Не напали, – смеется дед. – Летом чего их бояться. Пропитания много, все звери своими делами заняты. Это сейчас в маленьких деревеньках, где осталось по несколько дворов, в Казанке Омской области, в Николаевке, откуда я родом, медведи стали к людям выходить. Когда-то их выгнали с места проживания, а теперь поля заросли, люди развежались, зверье начинает возвращаться в свои родные места, осваиваться.

Так вот, отыскал я на берегу Данилова озера открытую землянку в крутом берегу. Не знаю, кто ее соорудил, она закрывалась деревянной дверью, а внутри стоял топчан. На нем я и переночевал. А утром на берегу меня ребята из лагеря увидели, расспросили, откуда я взялся, и позвали с собой. Сказали, что у них завтра кончается лагерная смена, и вечером будет праздник Нептуна. Я не стал отказываться и пошел к ним в гости. Вторую ночь я спал уже в палатке с ребятами.

– А дома-то тебя не потеряли? Ты позволил, чтобы не беспокоились?

– Нет, никому ничего не сказал, ушел молча. Обиженный. А позвонить я не мог. Ты что, считаешь, что тогда сотовые телефоны у всех

в кармане лежали? Их тогда еще не было, а проводной телефон находился в пяти километрах от нашей деревни, где была почта. Если захотел с кем-нибудь поговорить, то надо было сначала послать телеграмму с приглашением на переговорный пункт в определенный день и час, не позднее, чем за 4-5 дней. Потом идти к этому часу за 5 км на центральную усадьбу.

– Ничего себе, какие сложности! Как вы только жили без мобильных и интернета!

– Хорошо жили, не скушали. Большую часть времени я в лесу или на речке пропадал, это гораздо интересней, чем картинки в ящике смотреть.

– Ну, в чем-то ты, конечно, прав, – согласился Ваня, – трава не пахнет, по лужайке побегать нельзя и в виртуальную речку не нырнешь...

– Вот-вот, – обрадовался дед, – не нырнешь! А я в Даниловом озере по несколько раз в день купался.

– Повезло тебе! А что было дальше?

– Кто-то из ребят, очевидно, рассказал про меня. На следующий день ко мне подошла вожатая, спросила, откуда я родом, и почему здесь оказался. Доложил все, как есть. А вечером был праздник. Кто-то из старшеклассников нарядами Нептуном, другие были его слугами. Подробности того вечера стерлись из памяти, помню только, что Нептун задал мне три вопроса, на один из них я не ответил, и в ту же минуту оказался в озере: слуги морского царя наказали меня за незнание. Праздник завершился костром, для которого был заранее набран сухой валежник. Костер был огромный, пламя поднималось в высоту не меньше чем на пять метров! И мы вокруг него скакали как дикие обезьяны, было очень весело!

На другой день пришел автобус, который привез новую смену ребят, а отдохнувших в лагере забрал домой, в Усть-Таркский район.

– И ты с ними тоже уехал?

– Нет, меня оставили в лагере на новую смену, при условии, что буду помогать пасти овец.

– Откуда в лагере овцы? – удивился Ваня.

– Привезли из хозяйства, чтобы их можно было периодически забивать на мясо. Ребят надо было чем-то кормить.

Мне нравилась роль пастуха. Я выгонял овец на берег протоки, которая соединяла Данилово озеро с рекой Тарой. Животные паслись, а я валялся на солнышке, загорал, изучал окрестности. Когда Тара разливалась, часть паводковых вод попадала в озеро, а при низком уровне – течения в протоке не было, вода застаивалась и сплошь зарастала кувшинкой и болотным аиром. У этого растения корешки прямо в воде плавали, разветвлялись, а сверху над поверхностью воды торчали только острые листья. Красота неопишная: воду не видно, сплошные заросли зеленых растений и ярко-желтые цветы кувшинки!

– Получается, что свой отдых в лагере ты сам оплачивал? – сделал вывод Ваня.

– Можно и так сказать. Только я об этом тогда не думал. Возвращаться домой не хотелось, а тут кормили, и дело для меня нашлось.

Однажды я наблюдал, как молодой парень пытался сыграть роль забойщика овец. Смех, да и только! Не мог ни шкуру снять, ни тушу разделить. Дело для меня было знакомое, мы весной

и летом часто кололи овец, когда шла заготовка дров или сенокос, поэтому я подошел и помог. И потом, когда на кухню меня просили, самостоятельно справлялся с этой обязанностью.

– Чем ребята в лагере занимались?

– Утром была обязательная зарядка, на линейке говорили о планах на день, а вечером подводили итоги, отмечали лучших. Ребят учили ориентироваться на местности, разжигать костер в сырую погоду, ставить палатку, шалаш... Под музыку совершали ежедневную церемонию подъема и спуска флага. Один раз, помню, механизм сломался, и флаг поднять не смогли. Желаящих рискнуть среди ребят не нашлось, так как высота тонкого деревянного шеста была больше двенадцати метров. Я вызвался помочь. Снял ремень, закрепил его в виде кольца на шесте и надел на ноги. Опираясь ремнем на древесину, я поднялся на руках вверх по шесту и увидел, что веревка, на которой был закреплен флаг, соскочила с блока. Вернул ее на место, и неисправность была устранена.

– А тебе было страшно?

– Если и было, то самую малость. Мне тогда показалось, что высота этого шеста метров двадцать, не меньше. А в жизни у меня был богатый опыт верхолаза.

– Где?

– В лесу. Мы постоянно с друзьями бегали в лес качаться на деревьях. Выберешь тоненькую березку, заберешься наверх, она под тяжестью тела начинает наклоняться, и ты летишь вниз – дух захватывает от полета!

– Ну, ты, дед, настоящий экстремал! А если бы верхушка надломилась?

– Так однажды и случилось, я тогда еще в начальных классах обучался. Слетел вниз без парашюта, упал на спину – больно было, но обошлось без переломов, легкий был.

– Ты тоже зарядку делал и обучался как все ребята?

Дед засмеялся:

– От физкультуры не отлынивал и на линейку ходил, а что касается лесных наук, сам, кого хочешь, научу разным премудростям. Я ведь родился и вырос в лесу, много чего умел и знал: как в лесу голодным не остаться, что можно есть, что нельзя. Как капкан или петлю на зверя поставить, рыбу поймать... Вот ты, например, знаешь, как разжечь костер в бору после дождя?

– Щепочки поискать сухие, веточки, бумагу взять...

– Нет у тебя бумаги!

– Ну, не знаю... – задумался Ваня. – Бересту бы надрал.

– А в бору березы нет! – не унимался дед.

– И как тогда быть?

– Надо набрать старую сосновую хвою, желтую, сложить ее кучкой и поджечь, а потом уже тоненькие веточки подкладывать. Если даже дождь неделю идет, хвоя все равно хорошо загорается, потому что иголки тоненькие и пропитаны смолой.

Вот так целый месяц я и прожил в пионерском лагере. Друзей новых завел. Один из приятелей дал мой адрес своей сестре из деревни Неупокоевка, и мы с ней почти год писали друг другу письма... Вернулся домой в августе.

– Ох, и попало тебе, наверное, от матери

и бабушки! Сильно ругали? – поинтересовался Ваня.

– Нет, обрадовались, что домой вернулся. А если бы стали ругать – сбежал бы совсем.

– Чем ты еще в то лето занимался?

– Сразу после лагеря мы подрадились с ребятами колхозный скот перегонять на забой в сторону Чанов. Сели на лошадей и вперед! За неделю до сдачи, остановились в маленькой деревушке, чтобы животные отдохнули и набрали вес, потерянный при долгом перегоне. Помню, запасы хлеба у нас к тому времени закончились, и мы, надоив молоко от коров, и пили, и умывались им. Когда вернулся в деревню, до дома не доехал, остался ночевать у дядьки, до того устал на коне трястись. В мое отсутствие мать получила из Усть-Тарковского района письмо от директора школы, который писал, чтобы они не беспокоились, сын жив, здоров и находится в пионерском лагере на Даниловом озере.

– Дед, а ты мне как-нибудь расскажешь, какое оно, это озеро?

– Озеро особенное, там находится место силы. Нас с тобой, кстати, приглашали в гости родственники из села Муромцево. Предлагали на Данилово озеро свозить. Давненько я там не был. Пока есть возможность, надо соглашаться...

КИНО

Как-то раз Ваня прибежал с улицы домой – и к телевизору: очередная серия мультфильма про Аватара уже началась. Дед, услышав, что внук вернулся с прогулки, вышел из своей комнаты и присоединился к просмотру. Он с удовольствием следил за историей в фэнтезийном мире, населенном людьми: удивительные животные, сверхъестественные духи, множество спецэффектов, каких в детстве видеть не пришлось. Мультсериал напоминал пособие для человека, как следует управляться со стихиями воды, воздуха, огня и земли. Дед точно знал, что когда-то давно человек владел этими знаниями, использовал их. Иначе как объяснишь, например, древнее строительство пирамид по всему миру, где каждый блок весит десятки или сотни тонн? А если человек может взглядом двигать камни, то все становится понятным. И сейчас, понемногу, эти знания, по мнению деду, а с ними и умения, начинают снова открываться людям.

Дед всегда любил смотреть фильмы. Может быть потому, что в детстве это был самый доступный и востребованный вид искусства. Работы в деревне было много, а из развлечения – только кино, поэтому он с ребятами не пропускал ни одного сеанса. Кинопередвижка приезжала в деревню один или два раза в неделю. На доске за день до киноказда дядя Ваня, киномеханик, всегда вывешивал большое объявление. Детский билет стоил пять копеек, а взрослый – двадцать. Чтобы посмотреть кино, детвора частенько летом воровала яйца из-под куриц...

Ваня, узнав от деду о проделках деревенских ребят, удивился:

– Зачем? Киномеханик яйца вместо денег собирал?

– Нет, яйцо мы сдавали в магазин, – пояс-

нил дед. – Тетя Ира, продавец, давала за него пятак и одну шоколадную конфетку, так как яйцо стоило шесть копеек.

– Странные у вас были порядки, – удивился Ваня. – У нас сейчас магазины яйца не закупают, а только продают, правда, цена не копеечная...

– Так раньше в магазинах всегда продукты у населения закупали – излишки картофеля, мясо, яйцо и прочее, а потом продавали эти товары там, где они были нужны...

В колхозе в те годы была принята натуроплата, на заработанные трудодни колхозникам выдавали вместо зарплаты зерно. Если дома не было ни яиц, ни денег, то я с ребятами попадал на киносеанс через маленькое окно вверху амбара.

– Амбар – это сарай? – уточнил удивленный Ваня.

– Ну, да, клуба, кинотеатра по-городскому, в деревне не было, поэтому кино показывали в амбаре для хранения зерна.

Забравшись через окно в помещение, мы прятались в рядах между ног взрослых, пока дядя Ваня не гасил свет. Тут уже можно было не бояться, что нас выставят из кинозала прочь, и мы пробирались по-пластунски к экрану, в первые ряды, и смотрели кино лежа. А когда в деревне построили клуб, мы ходили в него как в театр. Иной раз смотрели кино с улицы, так как экран был повешен перед окнами. Видно хорошо, но звука не слышно, приходилось догадываться, о чем идет речь.

Наш маленький деревянный клуб был центром культурной жизни. Там было светло, играла музыка, танцевали...

– А что у вас дома ни света не было, ни телевизора?

– Не было. В качестве источника света в домах использовали керосиновые лампы. Знаешь, такие, со стеклом... Внутрь лампы наливали горючее и поджигали фитиль, а сверху потом надевали прозрачный стеклянный абажур.

– А откуда был свет в клубе?

– Дядя Ваня заводил генератор и показывал кино с освещением. Электричество провели к нам в деревню только в 1960 году, мне было в ту пору уже десять лет. В начальной школе у нас тоже были керосиновые лампы. Если уроки днем не успевал делать, то сидел вечером перед керосинкой.

– Слушай, дед, получается, что у вас не было ни холодильников, ни стиральных машин, ни компьютеров... Как вы жили? Каменный век какой-то...

– Приспособлялись. Для продуктов летом использовали погреба со льдом. Все молочные продукты, мясо, рыбу, квас в них сохраняли. Много чего сушили в русской печи – и мясо, и ягоды, и грибы. Заколем овечку, часть, например, сварим, а оставшееся мясо подсаживали и сушили в течение нескольких дней в горячей печи. Куски мяса, таким образом, готовились, твердели, так как вода испарялась, такой продукт мог храниться в полотняном мешочке без холодильника достаточно долго. Его брали с собой на покос и варили похлебку на костре со свежими травами. Можно было кусок мяса и так погрызть, если зубы крепкие... А вместо стиральной машины использовали стиральные доски. Видел такие? Ребристые... Мыло тоже

мать часто сама варила, резала на бруски, сушила и хранила в деревянном ящике.

– Ну и ну! – Все совсем не так как у нас.

– Да, сейчас много чего понапридумывали, – с явным неодобрением заметил дед. – Человечко с утра до вечера работает, чтобы купить новый смартфон, мощный ноутбук, электронную книжку... А друзей настоящих у него нет, потому что общается исключительно по интернету. Подраться и то не с кем! А если вдруг электричество исчезло, то жизнь тот час и закончилась. Никто ничего руками делать не умеет и, главное, не хочет – ни печь сложить, ни морковку посеять, ни хлеб испечь. Обнадеялись на супермаркеты. А что там продают? Сметана непонятно из чего сделанная, мясо, которое мясом не пахнет... Одна химия и сплошной вред здоровью!

– Да ладно тебе, дед, ругаться! Расскажи лучше, какие фильмы тебе нравились в детстве, – примирительным голосом попросил Ваня.

– Да, был такой фильм, который я смотрел раз шесть, сколько его дядя Ваня привозил в деревню – ни разу не пропустил. Помнишь Чарли Чаплина? Очень мне нравилось, как отец с сыном зарабатывали на жизнь – сын разбивал стекла, а отец стеклил. Как бегал по кладбищу... Столько лет прошло, а помню, словно вчера смотрел... А еще у нас в новом клубе спектакли показывали.

– Настоящие артисты приезжали?

– Нет, артистами были наши, деревенские. Хорошо помню, как на 23 февраля был спектакль про Зою Космодемьянскую, которую играла мама. После поджога фашисты схватили Зою и повели на казнь. Я выскочил на сцену, а было мне 5-6 лет, и заорал что было сил: «Сволочи! Куда вы повели мою мать, я не отдам ее никому!» В зале – громкий хохот. Все остались довольны, что спектакль удался.

ЧТО ЕДЯТ ПЧЕЛЫ ЗИМОЙ?

Дед попросил Ваню помочь ему в наващивании рамок для пчел. Время было горячее, пчелы несли в ульи и пыльцу, и нектар, надо было срочно ставить вторые корпуса, чтобы они продолжали работать, а не думали от безделья или тесноты роиться.

Что такое вощина, Ваня знал. Тонкие листы воска с выдавленными шестигранниками наподобие соты, которые пчелам необходимо было достроить, чтобы хранить в ячейках мед, пчелиный хлеб или выращивать личинок. Дед покупал вощину в пчеловодческом магазине. Она была хрупкой, поэтому требовала аккуратного обращения.

Ваня открыл новую коробку, с удовольствием вдохнул прятный медовый запах, идущий от вощины.

– Дед, а зачем ты тратишь на нее деньги? Разве сами пчелы не могут оттянуть соты на рамках? Нам в школе на зоологии рассказывали, что у пчелы медоносной есть специальные железы, которые образуют воск, и он находится в виде пластинок на брюшке.

– Можно, конечно, сэкономить, – ответил дед, – натягивая проволоку на рамку. – Только эта экономия боком выйдет.

– Почему?

– А ты рассуди: зачем человек пчел держит?

– Чтобы мед был, пыльца, ну, и прочее...

– Правильно. А когда пчелы могут нектар собирать?

– Когда что-нибудь цветет.

– Вот, – дед поднял палец вверх, – когда цветет! А период этот в Сибири очень короткий. Получается, пчелы будут тратить время и силы на постройку хранилищ и успеют насобирать меда только для себя, чтобы зиму прокормить...

– Они зимой разве не спят? – удивился Ваня.

– Летать, не летают, потому что холодно, но не спят. Пчелы сбиваются в плотный клуб, чтобы поддерживать в гнезде необходимую температуру. А если меда недостаточно для питания пчел, то они погибают от голода. Поэтому вошину или готовые рамки с сотами ставят пчелам весной и летом для экономии времени. У пчел появляется больше возможностей для усиленного медосбора. В конце лета пасечник часть меда откачивает для себя, а оставшийся оставляет насекомым. Если меда мало, то можно пчел подкармливать сахарным сиропом...

– Когда я учился в начальной школе, Катюшка, моя одноклассница, сказала на уроке природоведения, что пчелы зимой едят сено, – засмеялся Ваня, – а мед собирают только для человека!

– А ты как ответил?

– А я сказал, что пчелы зимой впадают в спячку и ничего не едят, а летом питаются нектаром с цветков.

– А что учительница? – полюбопытствовал дед.

– Сказала, что мой ответ ближе к правде.

– И что пчелы не кролики, сено есть не могут.

– Ясно, – улыбнулся дед, – ну, теперь-то я за тебя спокоен. Так что у пчел в меню?

– Пчелы, конечно, едят нектар, когда его собирают, а зимой – мед. Своих личинок они кормят маточным молочком и пчелиным хлебом, пергой, которая состоит из пыльцы растений, смешанной с пчелиным секретом.

– Точно, – одобрил дед ответ внука.

Дед показал, как правильно крепить вошину на деревянной рамке, чтобы она не полопалась и не оборвалась. Ваня быстро научился нехитрому делу. Расплющенным и нагретым на плитке гвоздем, имевшим на конце форму вилочки, он быстро проводил по вошине, прижимая ее к проволоке. Воск немного расплавлялся и хорошо прилипал к металлу. Для большей прочности крепления, Ваня дополнительно лепил мелкие заплатки из кусочков вошины.

– Хорошо получается, молодец, – похвалил дед. – Все ровненько, без перекосов и крепко.

– Скажи, дед, а когда ты впервые в жизни узнал про пчел? Ты всегда их любил? И не боялся укусов?

– У нас в деревне было два хозяина, которые водили пчел. У деда Архипа пасека была еще до войны. Вернулся он домой инвалидом, без обеих ног. Родственники сохранили пчел, и он продолжал держать их, несмотря на увечье. Помню, собрались мы как-то с друзьями возле плетня деда Архипа и наблюдали за его работой на пасеке. Не знаю, по какой причине пчелы разозлились. То ли взятка в природе было

мало, то ли он сделал что не так... Как они поднылись! И на нас! Мы побежали прочь, отчаянно отмахиваясь руками. Добежали до реки и попрыгали в воду. Долго они нас не выпускали на берег, минут десять «купали». Только голову высунешь из воды – они тут как тут: «ж-ж-ж!» Глотнешь воздуха и снова ныряешь. Вот тогда пчелы меня в первый раз и покусали.

– Так не надо было махать руками и бежать, – заметил Ваня. – Ты же сам меня учил, что надо лечь на землю и замереть или стоять, не двигаясь.

– Мне было всего пять лет, я никаких правил в то время не знал, – ответил дед. – Недалеко от Архипа, – продолжил он, – жил другой пчеловод – Василий Иванович, дед моего друга Володи Барыкина. Он как накачает мед, так сразу звал нас к себе. Усаживал всех ребятишек за стол, а посередине водружал керамическую миску с медом. Бабушка нарезала большими ломтями хлеб, и мы дружно макали его в мед. Было очень вкусно! Тогда, очевидно и зародилась во мне любовь к пчелам, сладкого мало в деревне видели. Дома был иногда сахар крупнукосковой, мать его хранила в амбаре в мешке. Так я через крышу залезал внутрь и таскал куски из-под замка. Но сахар с медом не сравнишь, согласен?

Ваня кивнул в знак согласия.

– Что касается укусов пчелы, это так, баловство. Вот однажды меня шершни покусали...

– Расскажи! – попросил Ваня.

– Раньше колхозу спускали сверху разрядку, чтобы в хозяйстве пчел держали, овец, кур... Был курятник и в нашей деревне. Мы часто возле него играли, а куры, будучи на свободном выгуле, иногда неслись не в гнездах, а в кустах и других укромных местечках. Надумает, например, курица цыплят выводить, начинает прятаться. Наложит яиц где-нибудь и садится их выпаривать. Мы находили эти несанкционированные яйцекладки и отдавали птичницам.

Жерди, которые служили в качестве стропил, сгнили. В тот день мы играли в войну, и я провалился на этой крыше, а там, внизу, оказалось гнездо с шершнями. Потревоженные насекомые мгновенно атаковали. Сколько из них долбанули меня – не знаю, опух я до неузнаваемости и несколько дней отлеживался дома с высокой температурой. Так больно никто еще не жалил! Обидно было, что шершни меня в постель уложили и без игр оставили. Поправившись, я вскоре нашел в дупле дерева их гнездо и решил отомстить. Намотал на палку бересту, поджег ее и караулил обидчиков с огненным факелом возле дупла. Насекомые, вылетая, обжигали крылья и падали вниз.

– Сурово ты с ними, – заметил Ваня.

– Маленький был, не понимал того, что сам был виноват, а шершни свое гнездо защищали. У нас дома, в амбаре, несколько лет висело гнездо этих грозных насекомых, диаметром больше полуметра. Мы никогда их не трогали, и шершни нас не обижали. Прилетали – улета-ли через дырочки в стене, никому проблем не создавали. Без причины ни насекомые, ни животные никогда не нападают, надо просто знать их особенности и держать дистанцию.

– А вы дома пчел держали?

– Нет, бабушка с мамой не знали, как с ними обращаться. Да и другой работы было много:

дрова и сено вручную заготавливали, с хозяйством управлялись, ткали, пряли... А приходило мне пробовать мёд от земляных пчел.

– Такие пчелы есть? – удивился Ваня. – Они в земле живут?

– Да. Когда мы с бабушкой ходили на сенокос, то под лезвием литовки среди мха часто обнаруживали маленькие соты диаметром сантиметр десять, заполненные пергой и медом. Бабушка научила меня, как поесть сладкого и жизнь земляных пчел не нарушить. Мы брали соты, аккуратно отсасывали мед из ячеек и возвращали их на место. Мед по вкусу такой же, как у обычных пчел, только было его, к сожалению, мало. Бабушка мне многое в лесу показывала и учила наблюдательности. Идем как-то с покоса, видим муравейник у дороги, а от него дорожка шириной в полторы ладони тянется. Дорожку эту хорошо видно потому, что она выжжена кислотой. Мы ложились с бабушкой на землю и наблюдали за рыжими муравьями, как они по этой дорожке гусениц, жуков в муравейник таскают. С ребятами как-то на муравейник убитую водяную крысу положили, через неделю от нее одни косточки остались. Быстро с ней муравьи управились. Бабушка мне впервые показала, как можно муравьиную кислоту добыть...

– Знаю-знаю, – откликнулся Ваня, – надо поплевать на муравьев, они сразу кислотой начинают стреляться. Потом ее прямо с ладони можно слизывать. Я не раз так делал!

– Молодец, запомнил. А если без меня на пасеке рой пчел вылетит, сумеешь поймать?

– Не знаю, – озадачился Ваня, – не пробовал.

– Папа тебе не рассказывал, как он с роем воевал?

– Нет, а был такой случай?

– Да, все, думаю, его хорошо запомнили. Я тогда был в соседнем городе по делам. Когда уезжал, пчелы никаких признаков к роению не подавали, работали спокойно. Приезжая через два дня, а дома все вокруг твоего папы, пятиклассника, суетятся, он весь несчастный, покусанный везде, где можно, лежит на диване и стонет. Бабушка бегаёт, причитает, мама тоже в расстроенных чувствах. Пришлось даже скорую помощь твоему папе вызывать. Оказывается, из одного улья вылетел рой пчел и привился на клене. Бабушка услышала сначала характерный гул, который издавала темная масса пчел, висящих в воздухе, а потом обнаружила рой на высоте примерно четырех метров от земли. Он свисал вниз с ветки как огромная кисть черного винограда, каждая ягодка которой грозно шевелилась. Ни бабушка, ни тетя Женя, папина сестра, не отважились лезть на дерево, единственным смельчаком в доме оказался твой папа. Он принес лестницу, приставил ее к дереву и, вооружившись большим ведром и веником, полез наверх. Внизу, привлеченные беготней и шумом, собрались соседи. Каждый из них точно знал, как нужно действовать и пытался советом повлиять на исход мероприятия. Никому из знатоков в голову не пришло подсказать, что надо, в первую очередь, разжечь дымарь и надеть маску, чтобы защититься от пчел. Твой папа теоретически знал, как нужно поступить, но понадеялся, что обойдется. Если будет тянуть время с подготовкой, рой может

улететь. Добрался твой папа до роя, подставил под него ведро и стал сметать пчел веником. То ли не очень аккуратно роботал, то ли рука сорвалась... Часть роя поднялась в воздух и набросилась на него. Всех советчиков снизу как ветром сдуло. Осталась только бабушка, которая придерживала лестницу внизу, чтобы внук не свалился. Им двоим больше всего от пчел и досталось.

– А рой?

– Рой благополучно улетел.

– А как надо было действовать, чтобы его поймать?

– Сначала надеваешь пчеловодческий костюм с защитной маской и разжигаешь дымарь. Если рой висит высоко, то можно аккуратно спилить ветку, спустить ее вниз и потом бережно стряхнуть или смести пчел в емкость и быстро завязать тряпкой, которая должна быть приготовлена. Чтобы пчелы успокоились, бачок или ведро необходимо поместить затем в прохладное место, например, в погреб. А утром уже можно определять пчел в улей на постоянное жительство. Можно и по-другому поступить. Однажды, чтобы поймать рой, я установил емкость под деревом, на которое привились пчелы, и поставил в нее рамку с остатками меда. Затем обрызгал на пчел водой с помощью веника. Пчелы, очевидно, подумали, что начинается дождь, сами спустились вниз и заняли бачок с рамкой. Мне только осталось завязать их. Вот такой порядок.

– Надо мне с тобой дед потренироваться, непростое это дело. А я-то думаю, почему папа не любит пчелами заниматься... Теперь понятно, хорошо они его тогда напугали ...

О ДОМАШНИХ ПИТОМЦАХ

Ваня сидел в комнате за компьютером. Пройдя успешно очередную уровень в игре, он пошел на кухню за бутербродом, чтобы подкрепиться: война с монстрами требовала серьезных затрат энергии. Возвращаясь, увидел за окном снегирей. Тотчас забыв про битву, Ваня стал наблюдать за ними. Ему очень нравились эти птицы: большие, нарядные, с яркой, как утренняя заря, грудкой. Снегири сидели на заснеженных деревьях и клевали мелкие мороженые плоды. Очевидно, в лесу было трудно прокормиться, поэтому птицы прилетели в город на искусственные посадки яблони.

Увлекшись живой картиной, Ваня не заметил подошедшего сзади дед.

– Любуешься? – спросил он.

– Да! – выдохнул Ваня. – Вот бы домой такую птицу!

– Не жаль тебе ее воли лишать?

– Я бы хорошо кормил, разговаривал с ней...

– И держал в клетке?

– В клетке, конечно, не очень весело, – задумался Ваня.

– Хочешь, я тебе расскажу, как однажды пытался одомашнить снегиря?

– Расскажи!

Дед помолчал немного и начал говорить.

В детстве, а было мне лет десять, я очень хотел, чтобы такая красивая птица жила у нас дома. Взял небольшой снопик льна с коробочками, положил под деревянный ящик, а его

край приподнял с одной стороны палкой, чтобы птицы могли попасть внутрь, к угощению. К подпорке привязал веревку длиной метров 10-15 и лег в засаду — под забор. Сам поглядывал в щелку между досками, чтобы не пропустить появления птиц. Они вскоре прилетели и начали клевать семена льна. Я дернул за веревку, палка вылетела, и упавший ящик накрыл снегирей сверху. Когда вытаскивал птиц из-под ящика, две улетели, и в руках у меня осталась только одна.

Я принес снегиря домой и пустил его свободно летать. Клетки у меня не было, да и помещать красавца за решетку не хотелось. Решил, что он будет жить у нас как домашняя птица, брать еду с рук...

Снегирь, похоже, не понял моих благих намерений: стал метаться по дому и биться в оконные стекла. Я не успел предпринять никаких мер, как кот, оскорбленный вторжением на свою территорию чужака, миглом набросился на него и лишил жизни. Как горько я плакал!.. И с тех пор снегирей больше не ловил. Куда приятнее и интереснее наблюдать за ними со стороны, не лишая свободы...

Дед замолчал, поглядывая за окно на птиц.
— Жалко снегиря, — сказал Ваня. — Но ты ведь не знал, что кот его съест?

— Мог предвидеть, чем это закончится, — с горечью сказал дед. — Кот всегда охотился, и воробьев ловил, и синиц.

Чтобы отвлечь деда от грустных воспоминаний, Ваня постарался перевести разговор:

— А какие у тебя были домашние животные, кроме кота? — Попугайчики, хомячки?

— Зоомагазина в деревне не было, откуда бы я взял такую живность? — возразил дед Ване. А вот собаки у нас на подворье жили постоянно. Одна или две. Отчим любил охотиться, поэтому держали лаек. Если на охоту ему идти было некогда, то лайки сами бегали в лес. На привязи их никогда не держали и мясом не кормили. Они птиц ловили, зайцев. Сами себя провиантом обеспечивали. Как-то ранней осенью мы заготавливали на болоте клюкву. Жили месяца полтора в избушке на острове. Так наш лес по кличке Соболь регулярно нас подкармливал, принося из леса глухарей.

Однажды нам домой принесли щенка — помесь лайки и дворняги. Было ему месяца полтора. Пушистый черный колобок с белыми пятнами и крепкими лапами. Назвали его Тарзаном. Решил я его как-то искупать. Взял с собой в баню, помыл, завернул в сухое полотенце и принес домой. Как он обрадовался этому мероприятию, носился по комнатам довольный и счастливый! Когда в следующую субботу затопили баню, Тарзан уже сидел перед крыльцом, ждал своей очереди. А через неделю я не взял щенка на водные процедуры. Он забился под крыльцо, никому на глаза не показывался — обиделся. В следующую субботу мы с ним помирились. Вот такой у меня был домашний питомец — любитель бани, — подытожил дед.

ПРО ЕЖА

Как-то ехал Ваня с отцом на машине из села Дубровино, что в Мошковском районе, в Новосибирск. Видит, по обочине дороги, то с одной стороны, то с другой скворцы похажива-

ют. Странно, чего ищут?

— Пап, а зачем птицы вдоль дороги гуляют?

— Думаю, насекомых ищут.

— Какие здесь насекомые? — удивился Ваня.

— Когда огороды пашут, или поле, там понятно: в земле и червей, и личинок много... А здесь откуда?

— А ты никогда не замечал, что насекомые на лету бьются в стекла автомобиля? Ударившись, они падают на дорогу, где их и подбирают пернатые. Посмотри на небо, видишь, над трассой постоянно кружат крупные птицы...

— Вижу.

— Зачем, думаешь, они здесь дежурят?

— Ждут, пока кто-нибудь крупнее, чем насекомое, попадет под колеса автомобиля? — предположил Ваня. Всегда легче готовую пищу подобрать, чем охотиться.

— Молодец, правильно сообразил.

Вскоре после этого разговора, Ваня увидел на дороге безжизненное тельце ежа. Он, очевидно, хотел перейти через дорогу, но не успел, попав под колесо легковой машины.

— Ежи часто так погибают, — заметил отец.

— Зрение у них слабое и передвигаются они неспешно. Не успевают сориентироваться.

Как-то вечером, Ваня попросил деда рассказать о своих встречах с колючими зверьками. Дед подумал немного и начал вспоминать.

Это было в Николаевке, в Кыштовском районе. Осень была в тот год теплая, пошли мы в лес заготавливать жерди, чтобы забор в огороде подправить. Володя, отчим, с собой охотничью собаку взял по кличке Соболь.

Пока мы были в лесу, Соболь охотился. Как только первый раз голос подал — я бегом к нему. Думал, птицу какую-нибудь обнаружил. Смотрю — а это еж. Положил я увесистого найденыша в рюкзак. К концу работы пойманными оказались пять ежей, и всех я принес домой. Четверых оставил в огороде, чтобы они прижились у нас, охотились на вредителей, а пятого занес в избу. Дал ему молока и кусочки мяса. Ежик, посапывая и причмокивая, быстро съел угощенье и спрятался под койкой. А ночью, когда все легли спать, вышел на охоту. Поскольку пол в доме был дощатый, все передвижения нового жильца были слышны как громкое топанье, которое сопровождалось сопеньем и фырканьем.

Когда выпал снег, мы потеряли ежа, топот по ночам прекратился. Оказалось, что еж через кошачий лаз спустился в подпол, надергал мха, который был положен между бревнами дома, и сделал себе гнездо. Как-то мать спустилась в подполье за картошкой и увидела колючий комочек возле завалинки. Она взяла кочергу, подтянула ежа поближе и, аккуратно скатив в подол фартука, подняла его наверх, в кухню:

— Иди, поешь!

Разбуженный еж недовольно пофыркал, потом хорошо поел, попил молока и снова спустился в устроенное гнездо. До марта его больше не беспокоили. Весной он сам вылез из подполья, сильно отощав во время зимней спячки. Откормили мы его. А в апреле, когда на улице стало тепло, дверь на улицу оставили открытой и ежик, воспользовавшись случаем, сбежал.

— Совсем ушел? И больше не приходил? — расстроился Ваня.

– Нет, не возвращался. Любому животному на свободе всегда лучше. У него в лесу, наверное, ежиха осталась, детки малые. Своих дел и забот полно, как у каждого.

– Деда, а ты маленьких ежек видел? Они из яиц вылупляются?

Дед засмеялся.

– Скажешь тоже, из яиц! Ежиха яиц не кладет, а сразу появляются настоящие ежата.

– С колючками? – усомнился Ваня.

– Нет. Малыши рождаются слепые, глухие и голые. Я однажды видел новорожденных ежек в гнезде между корнями дерева в саду. Было их не меньше пяти штук. Посчитать точно было сложно, так как ежиха прикрывала их своим телом, чтобы не замерзли. Иголки начинают отрастать после рождения: на розовой коже лопаются бугорки, а из них появляются белые иголочки. Они сначала мягкие, потом твердеют. Недели через две ежата становятся похожими на маму и папу и открывают глаза. Мать кормит их питательным молоком и выводит на прогулку. А если почувствует какую-то опасность, то перетаскивает детенышей в зубах в другое гнездо.

Помню, был один случай, когда мне удалось подсмотреть, как взрослые ежи воюют между собой. Это было в конце апреля, мы как раз на деляне дрова заготавливали.

– Воюют по-настоящему? Из-за чего? – удивился Ваня.

– Из-за чего я сразу не понял. Вижу, два ежика на полянке дерутся, кусают друг друга за мордочки, за ноги, толкаются изо всех сил колючками, и все это сопровождается громким сопеньем и фырканием. Потом неожиданно раздается пронзительный крик, и один из ежей сбегает.

– Это ежик кричал?

– Думаю, да. Что-то они не поделили между собой. Может быть, территорию... Один еж другого прогонял. А потом откуда-то появился третий персонаж. С ним уже никто не дрался: победитель стал кружить возле него, тихонько пыхтя и напевая...

– Ну, дед, что ты меня разыгрываешь! – обиделся Ваня. – Еж песню запел!

– Совсем не смеюсь, – ответил дед серьезным голосом. – Я сам первый раз такие звуки слышал. Конечно, эта песня на человеческую была не похожа, но звуки следовали друг за другом и были довольно чистыми. Володя, отчим, посмеялся над моим рассказом про дерущихся за владения ежей и объяснил, что это были соперники и конфликтовали они из-за самки, у ежей как раз в то время брачный период был. Вот так! Поэтому песенку ёж напевал своей невесте. Теперь веришь, что я не подшучивал над тобой?

– Ладно, верю. Скажи, эти зверьки только насекомых поедают и фрукты?

– Они едят, по-моему, все, что попадает на пути: и личинок, и жуков, и дождевых червей... Придавая лапкой к земле свою добычу, улитку, слизня или лягушку и с аппетитом её поглощают. Ловят в неглубоких норках грызунов, находя их с помощью тонкого обоняния. Встречая на пути гнезда птиц, ежи разоряют их, поедая и птенцов, и яйца. Говорят, что за ночь еж может съесть такое количество корма, которое достигает почти половины собственного веса.

– Маленькие обжоры! – засмеялся Ваня.

– Их прожорливость вполне объяснима. Чтобы выжить зимой во время спячки, надо накопить побольше жира, поэтому и едят все подряд.

– Как медведи, – уточнил Ваня. – А если еж плохо будет кушать?

– Значит, весной он просто не проснется, погибнет от голода. Моя мама, твоя прабабушка, как-то рассказывала, как еж в огороде поймал змею.

– Расскажи! – попросил Ваня.

Вернулись они с Володей из леса поздно вечером. Корова была недоена, и мать, взяв ведро и фонарь, пошла в сарай. Проходя мимо огуречной гряды, услышала в темноте какой-то странный шум. Сначала подумала, что коты дерутся. Посветила фонариком и видит – это еж: уцепился зубами за хвост змеи и ест ее. Та извивается, шипит, а укусить ежа не может – на колючки натывается. Утром возле грядки мать нашла недоеденное ежом тело гадюки. Она со своей внеплановой дойкой, очевидно, спугнула ночью колючего охотника.

– Он что, ее живую ел? – изумился Ваня.

– Да, ежи никогда не убивают свою добычу, живьем едят.

Ваня, потрясенный новостью, некоторое время молчал. «Ничего себе, – думал он, – такой миленький с виду зверек, а на самом деле – кровавый монстр...».

– Вань, а ты чего замолчал? Расстроился?

В данном случае еж проявил себя настоящим храбрецом, не боялся с ядовитой змеей сразиться. Говорят, ежи хорошо переносят различные яды без вреда для себя. Могут использовать в пищу и ядовитых насекомых. Было бы лучше, если гадюка человека укусила?

– Нет, конечно, – со вздохом согласился внук. – У ежей, наверное, никаких врагов нет?

– Как не быть! Главные враги ежа – лиса, филин и крупные совы. Лиса хитростью ежа берет, stalkивая его в воду и заставляя развернуться, а у ночных пернатых длинные когти и крепкие клювы. А вообще-то, еж приносит очень большую пользу человеку, уничтожая вредных насекомых: майских жуков, гусениц шелкопряда и других.

После разговора с дедом, Ваня заглянул в Интернет и нашел массу информации, о которой дед ему ничего не говорил. Оказывается, держать дома ежа небезопасно, так как он может быть переносчиком опасных заболеваний: сальмонеллёза, желтой лихорадки, бешенства и других. Кроме того, между иголками у ежа постоянно живут клещи, от которых он не может избавиться. А от клещей тоже можно заразиться и заболеть.

Человек, пытаясь приручить ежа, поселить вместе с собой, на самом деле губит его. Зверьку в доме плохо, даже если его поят молоком, кормят и заботятся о нем. Линолеум никогда не заменит ежу траву и землю, а кирпичные или бетонные стены не станут для него деревьями и кустарниками.

Хорошенько подумав, Ваня сделал вывод: дикие животные должны жить в дикой природе и помещать их в искусственные условия следует только в том случае, если им грозит исчезновение.